

В.А. Левшин

**Вечерние часы, или Древняя
сказки славян древлянских**

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Левшин**
Вечерние часы, или Древняя сказка славян древлянских: Часть 3 / В.А. Левшин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 228 с.

ISBN 978-5-518-09189-4

ISBN 978-5-518-09189-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

кроиъ естественности, хотя понятная весьма странной, но справедливой. Довольно будетъ упомянуть къ объясненію сей повѣсти, что волшебница, надѣлавъ множество обязательныхъ вопросовъ *Остроилу*, и не выслушивая его отвѣтовъ, позволяла ему имѣть честь препроводить ночь съ нею. По опущеніи завѣсовъ вся пышность волшебницына исчезла, дабы оставить свободное мѣсто ея нѣжности. Непріятныя опыты, которые она уже навѣдала, для ея разумѣть объ обстоятельствахъ, и она дѣлала чуда. Но проклятые волосы изъ хвоста *Малушина* не потеряли своей силы! Тщательно бодрствующій *Остроилъ* старался исправиться; онъ упалъ изъ обморока въ обморокъ; непреборная преграда находилась между нимъ и ея желаніями; его рвеніе, терпѣніе волшебницыно, подавляема ея помощью, были слабы противу невидимаго препятствія. Все слѣдствіе состояло лишь въ томъ, что оба они какъ бы нарочно заснули, и проспали до утра. Пробудясь, разстались они по отправленію новаго покушенія, столькожъ неудачнаго.

Во весь послѣдовавшій день *Остроилъ* старался напрягать всѣ силы своего разума, чтобы не показаться унылымъ; а *Циклонда* безпрестанно бросала на него страстные взоры, увѣряясь, что вскорѣ достигнешь мѣты своего благополучія, и обнадежившись понятіемъ о своемъ могуществѣ,

надѣяла съ дѣйстви глупостей, которыя могли бы открытъ всѣмъ ея служителямъ о ея слабостяхъ, естли бы оныя съ своей стороны не гордились тѣмъ, что могутъ во всемъ подражать ей. Ночь настала, сѣли ужинать, и *Остроилъ* вѣль почти столь же исправно, какъ и волшебница. Обстоятельство сіе замѣчено съ хорошей стороны; онъ получилъ прибавствія отъ всѣхъ вышнихъ и нижнихъ чиновниковъ *Циклондиныхъ*. Въ шестъ вечеръ не было бала, всѣ разошлись, и неперѣливая волшебница очутилась наконецъ въ объятіяхъ *Остроиловыхъ*. Но всѣ дни и всѣ ночи совершенно походили другъ на друга въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Волшебница разсуждала, и брала прибѣжище ко всѣмъ способамъ своего искусства; ничто не помогало. *Остроилъ* безпрестанно несчастливый, съ твердымъ постоянствомъ и удивительною легкостію начиналъ шанды, кои имѣлъ онъ честь проплясывать съ волшебницею; но ступивъ два, или три шага, ноги его столько ошелощались и слабѣли, что не могъ онъ шронуться съ мѣста. Онъ возлагалъ свое несчастіе на *Циклонду*, которая, съ своей стороны бывъ увѣрена о дѣйствительности своихъ прелестей, обвиняла его единственно. Вышедъ наконецъ изъ терпѣливости къ сношенію дала личныя себѣ оскорбленія, рѣшилась удовлетворить себя, во что бы то ни

ни спало. Она изъ гордости къ своему достоинству заключила, что все можетъ учинить силою своего волшебства; въ семь наизвѣренія въ одно утро оставивъ свой замокъ, полетѣла въ гости къ Хаусту духу, старинному своему другу, въ остроуміи, глубокомъ свѣденіи и силѣ кошораго уповала она найши накую нибудь помощь.

Хаустъ былъ духъ заслуженной, довольно пожившій въ свѣтѣ: и пошому весьма обо всемъ свѣдущій и искусывшійся. Накучивъ происками придворными, ошаголась странными лицами, которыя онъ играшь былъ принужденъ, оставилъ свѣтской шумъ, и превращаясь въ крысу, провиждалъ спокойно дни свои въ самой красивѣйшей жемчужной раковинѣ. Циклопда для лучшаго пріобрѣтенія его благосклонности, принесла ему въ рукѣ кусокъ сыру. Духъ сей, увидѣвъ ее, съ вѣжливостію приподнялъ хвостъ свой, и спрашивалъ, въ чемъ онъ можетъ быть ей полезенъ. Она рассказала ему подробно свое приключеніе, кромѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя въ основаніи не весьма выгодны казались для ея прелестей, и о кошорыхъ сочла она за нужное умолчать.

Я разумью вашу нужду (сказалъ духъ послѣ того, какъ она говорить перестала); вы имѣете причину, происхождение счесть довадное. Возможно ли! столько времени!

рше неестественно. . . . Но между тѣмъ я думаю, что не вы тому причиною — О! конечно (ошавчала волшебница) не ошъ меня звисѣло — Ох! я не о томъ говорю, что не ошъ васъ звисѣло, сказалъ духъ. Но никогда, говорите вы; вотъ, что чудно! Я чрезмѣрно знаюшь въ таковыхъ случаяхъ, и не рѣдко удавалось мнѣ помогать. Улсваю, что вы наслышались довольно ошъ нашихъ шарыхъ волшебницъ, я бывалъ духъ щасливой. Но что вы думаете? меня не слушивались, думали безъ меня обойлись. Чложь слѣдовало? Всегда до меня доходило. Я находился тогда подѣмнемъ духа свѣтскаго, шо есть должно признашься, что былъ горздо другихъ смѣшнѣ. Шо считалось тогда за превосходство; асѣ женщины кохотали, и всѣ молодчики двора *Обрадина* мнѣ подржали, перенимали мои пѣсенки, и не казались любви достойными, естли не старались подобиться мнѣ. Я довольно имѣлъ остроты, чтобъ не чувствовать ихъ и моихъ собственныхъ глупостей; но я разумѣлъ по крайней мѣрѣ, что благоразуміе при дворѣ состоишь въ шсмѣ, чтобъ только казаться благоразумнымъ, и приобретать себѣ похвалы, комъ обыкновеніе приписываетъ пріятныя названія. Благодаря дурачеству волшебницъ моего времени, я бывалъ богатырь въ любви; мои воло-

кищ -

кнства оживлялись щегольствомъ разитель-
 нымъ; я игралъ чувствительнаго лучше всѣхъ
 на свѣтѣ; я бывалъ попеременно нѣжнымъ,
 спирстнымъ, шутивымъ, услужливымъ, и
 всегда изибниксмъ; разумъ мой со дня на
 день становился пріятнѣе; но волшебницы,
 весьма привязанныя къ сущности ак-
 бовной, утомили меня. Я считалъ себя невоз-
 вратно погибшмъ. При первомъ случаѣ при-
 творился я шутивымъ, хотя смачала и
 приходилъ отъ шго въ трепешъ. Выдумка
 сіа была весьма удачна. Зключили съ мной
 слабости, когда я находился въ достаточ-
 ной силѣ; уваженіе, которсе тогда ко мнѣ
 всѣ имѣли, возрасло отъ самаго шго сред-
 ства, отъ коего бы мнѣ упасть надлежало;
 шутивость моя найдена прелестною, и на-
 чали мнѣ подражать. Съ шго времени всшло
 въ честь представлять себя изнеможеннымъ.
 Въ первомъ цвѣтѣ молодости надлежало объ-
 являть себя истощеннымъ; другія ухватки
 считались нкуда годными. Однако я пони-
 маю изъ вашихъ словъ, что съ шго время-
 ни, какъ удалился я отъ двора, обстоя-
 тельства весьма перемѣнились. Но это конечно
 возобновится; будете съ эшой стороны
 спокойны, —

Ваша длинная проповѣдь мало прино-
 ситъ мнѣ ошрады (сказала наконецъ вол-

шебчица, утомясь слушать бредни престо-
рѣлаго духа]; я вижу, что духи, равно
какъ и челоѡвѣки спаваются глупѣе; побоч-
ности, а особливо сего рода, дѣлають ихъ
ненавистными. Но какъ вы думаете, сла-
бость *Остроилсва* не исцѣляема? Это жалко,
ахъ, очень жалко! Я согласенъ (подхватилъ духъ)
въ этомъ происшествіи; оно поистиннѣ должно
чрезмѣрно прогавъ волшебницу. — Чтожь
присовѣствуете вы мнѣ сдѣлать? (сказала *Цик-
лонда*) я требую вашей помощи, и увѣре-
на, что вы можете мнѣ подать оную; итъ
ли какого средства? — Есть, я думаю
самъ какъ бы лучше, сказалъ духъ. Вѣдь
онъ молодъ? такъ ли? — Очень молодъ
(опѣвчала она). Это заслуживаетъ внима-
ніе. Если бы дать ему побывать въ ру-
кахъ женщины, которую онъ любитъ —
Но онъ и меня любитъ страстно, подхва-
тила *Циклонда* съ жаромъ]. Тебя? итъ!
[сказалъ духъ съ холодностію] — Все
меня въ томъ увѣряетъ [говорила она],
при томъ же я сто разъ слышала отъ на-
шихъ старыхъ волшебницъ, что дѣйстате
любви... излишній жаръ. — Все это врачи
[подхватилъ съ жаромъ сей чистосердечной
духъ], повѣрь моему слову. По этому у
тебя значить дѣйстате акби то, что учи-
нило слабымъ покойнаго твоего *Частохвата*?
Поди ты прочь! Я лучше другихъ это знаю.

Слабая

слабая это, и не къ мѣсту употребленная оговорка, и дураки, которые тому вѣрятъ. Чшо надлежитъ до воображенія нашего объ нѣжности къ вамъ *Остроиловой*, будьте благонадежны, что онъ васъ обманываетъ; или я скопъ! Я провѣщаю вамъ, что онъ больше прежняго занятъ этою маленькою Царницею Трантараранскою. . . . Не по тому, чтобъ она была васъ лучше, великая въ томъ разнота; но молодые люди очень странныы. . . . Не сомнѣвайтесь [продолжалъ онъ], ежели эта *Доброгѣва* не возвратитъ вашего *Остроила* къ жизни; я торжественно объявляю, что онъ мертвъ навѣки. . . . Э! вотъ и часъ моего обѣда [сказалъ онъ, сдѣлавъ маленькой поклонъ]: я столько принудилъ себя для васъ: я опредѣлялъ никогда не разспрашивать родъ моей жизни, и для всѣхъ волшебницъ на свѣшъ не измѣренъ ни минушою позже обыкновеннаго обѣдашь. Прощай. Сказавъ сіе, влѣзъ онъ въ свою раковину; а волшебница возвратилась въ свой замокъ.

Слова *Хаустовы* занимали ее во всю дорогу; оныя произвели въ ней мысль, поправившуюся ей не для чего иного, что была она странная. По прибытіи въ замокъ опредѣненіе уже было готово; разумно, или глупо, но она какъ волшебница, рѣшилась етому послѣдовать. Она призвала *Остроила*,

и голосомъ, изображающимъ все ея могущество, объявила ему, что она принуждена удалиться отъ него на нѣсколько дней, чтобъ онъ ни о чемъ не безпокоился; потому что всѣ придворные ея будутъ стараться предотварить всякія его желанія, и что онъ вскорѣ отъ нее получитъ извѣстіе. По симъ словамъ она исчезла.

Циклопда, оставивъ его, прибыла ко Двору Трансарзанскому. Она нашла его въ великой перемѣнѣ: всѣ при ономъ находящіяся чувствовали скуку, печаль и уныніе. Вѣмя, спредѣленное законами для избранія Царя приближалось, и печаль постоянная *Доброгнѣвы* ежедневно умножалась. Помышленіе о учиненіи выбора, обязать кланьями, и отдаться на всю жизнь кому нибудь, кромѣ *Остронла*, составляло для нее несносное мученіе, представляющее всю жестокость свою, ожидаемую въ послѣдствіи; чувствованіе утѣхъ казалось навсегда оставившимъ ея сердце; и пучокъ цѣшмовъ, поднесенный ей *Остронломъ*, доставляя ей единственную отраду въ мученіяхъ, чуднымъ нѣкоторымъ разбѣяніемъ, производимымъ можешь бышь любовью, учинилъ ей всѣхъ придворныхъ ея несносными.

Помощію розъ, сего удивительнаго пучка, утѣшалась она часто, какъ только позволяло ея званіе имѣть свободныя минуты,

шы, дѣлалась невидимою. Тогда находясь сама съ собою, и бывъ освобождена отъ доукъ своихъ любовниковъ, безпрепятственно разуждала о вѣрслиномъ, о легкомысленномъ и весьма любовномъ *Остроколѣ*. Известное дѣло, что въ таковыя дни дворъ представлялъ пустыню; одни послѣднѣ отшуда скакали на ужичу въ распутныя долины, и проводили ночь, увѣряя себя, что они повеселились и утѣхались въ утѣхахъ. Другіе разливались, какъ быстрый потокъ по доламъ въ городѣ, и вымѣщая и смуку, которой преданы были во дворцѣ; они назначали свиданія, чтобъ не попасть въ часъ, и спѣшили на друге, гдѣ появлялись самыми послѣдними. Нѣкоторые изъ нихъ разрывали знакомства; за шѣмъ, чюбъ показавъ нѣчто значущій видъ просидѣвъ запершись у себя въ домѣ. Были и шаки, но крайнѣ рѣдко, кои владались крайности посѣщать собственныхъ женъ своихъ. Одни только госпожи старыя, благоразумныя, и оставленныя, пребывали во дворцѣ, и для подражанія своей Царицѣ, приказывали своимъ придверникамъ не сказывать о себѣ, что они дома.

Доброгидва, бывъ въ одинъ день унывѣе обыкновеннаго, обратилась къ своимъ цѣбшкамъ. Она пожелала уныниться невидимою; между шѣмъ цѣбшокъ померзницовой упалъ

упалъ къ ней на руку; нечувствительно положила она его въ рошѣ, и въ задумчивости разжевала.

Трудно изобразить тѣ разительныя черты просвѣщенія, кои въ то мгновеніе ока коснулись ея разума. Врожденный добрый вкусъ былъ основаніемъ склоненіи ея къ *Остроуму*. Похвальные свойства, кои тогда усмотрѣла она въ немъ, помогли любви убѣдить ея душу. Вообще все, что ни составляло сего дражайшаго любовника, казалось ей всегда отвратительно; но недоставало еще справедливаго разума въ сравненіи всего того, что не касалось до любви ея. Вкусъ ея не раскрылся еще совершенно; она не ощущала еще истинной цѣны вещей. Цѣлѣтокъ смерзцовою разлилъ се неощутенное познаніе вдругъ во внутренностяхъ души ея. Казалось ей тогда, что она мечаянно перенесена была ко Двору иностранному; взоры ея опирались отъ всѣхъ предметовъ: оные казались имъ незнакомыи; и въ самомъ дѣлѣ оные всегда представлялись ей споровами весьма одна отъ другой отличными. Но тогда всякіе роды ослѣпленія исчезли. Обычай, нравы, природа, добрая слава, показались глазамъ ея въ существенности; ничто не покрывало прямаго ихъ состоянія. Человѣки оцѣнились строго по мѣрѣ достоинства ихъ и добродѣтелей.